

Двое закончили сборы, когда уже заканчивался час Шэнь.

Цзи Няо, сопровождая Цзю Линя, вышел из комнаты. Он намеренно держался на шаг позади, с мягкой улыбкой наблюдая за тем, кто шел перед ним.

Пройдя немного вперед, Цзю Линь остановился и обернулся:

— Что ты делаешь у меня за спиной?

В конце концов, это его резиденция, он здесь хозяин. Как так вышло, что он сам выглядит как чей-то приспешник?

Цзи Няо улыбнулся:

— Любуюсь тем, как хорош собой генерал.

Если бы такие слова произнес кто-то другой, это прозвучало бы приторно. Но из уст Цзи Няо это прозвучало неожиданно утонченно, и в этих словах слышалась лишь искренность.

Цзю Линь принял похвалу с невозмутимым видом:

— Этот генерал и сам знает, что хорош. Разрешаю тебе встать рядом и смотреть.

Он рассмеялся, звонко и открыто.

Цзи Няо не стал приближаться и по-прежнему следовал за ним:

— У меня дурная репутация. Если я буду стоять с генералом плечом к плечу, это лишь запятнает твое честное имя.

Цзю Линь велел ему проваливать подальше:

— Когда ты раздевал меня, ты почему-то не думал, что запятнаешь мою репутацию?

Цзи Няо, который никогда не заботился о мнении окружающих, на этот раз неожиданно покраснел:

— В тот момент чувства взяли верх, это другое.

Он и сам не ожидал, что человек, которого он хранил в сердце почти десять лет, при встрече будет с такой ревностью допрашивать его, не является ли он чьим-то возлюбленным. В такой ситуации даже святой не смог бы удержаться, а он, Цзи Няо, не святой — всего лишь мелкий интриган. Если бы он сдержался, то только в том случае, если бы был вовсе не способен на любовь!

Видя, что тот не желает подходить, Цзю Линь сам сделал шаг назад, поравнялся с ним и взял его за руку:

— Я сказал, что верю тебе, значит, верю. Если захочешь рассказать — я выслушаю. Если не хочешь — я верю, что на то есть причины, и буду ждать того дня, когда ты сможешь открыться.

Столп государства, генерал, в чьих руках сосредоточена большая часть военной мощи Великой Цзинь, смотрел на скандально известного, коварного первого министра с теплой и открытой улыбкой. Он хотел верить, что тот юноша, который когда-то поклялся отдать все свои силы ради того, чтобы в Великой Цзинь воцарились мир и порядок, ничуть не изменился.

Цзи Няо никогда не был мягкосердечным человеком. Этот молодой первый министр, который когда-то собственноручно казнил собственного отца, не проронив ни слезинки, сейчас почувствовал, как глаза предательски защипало.

Он опустил голову, чтобы Цзю Линь не увидел слез. Он не должен был этого делать, да и не имел права. Но почему-то в носу защипало, словно туда попала острая горчица, и слезы неконтролируемо покатались по щекам.

Заметив его смятение, Цзю Линь со вздохом притянул его к себе и, обняв, слегка похлопал по спине:

— Цзи Чанъянь, я такой же, как и ты. Не только ты любишь меня и дорожишь мной — я тоже люблю тебя и дорожу тобой.

Любить его, дорожить им — только поэтому он позволял ему предаваться распутству, вместе с ним катясь в пропасть. Цзю Линь не был способен на злодеяния, губящие страну и народ, но пока не будет доказательств того, что любимый им юноша действительно является коварным злодеем, никто не сможет заставить его отвернуться от него.

Разве что... он увидит доказательства.

Цзи Няо быстро смахнул слезы и крепче сжал руку Цзю Линя:

— Хорошо. Тогда прошу, генерал, держи мою руку крепче и не отпускай. На край света, в огонь и воду — что бы ты ни приказал, я исполню все.

Он улыбнулся, и в этой улыбке, в которой, казалось, растворились солнечный свет и россыпи звезд, сквозила безграничная нежность, обращенная к его генералу.

Цзю Линь, очарованный этой улыбкой, словно сам не свой, протянул руку и ущипнул его за щеку:

— Ну же, красавец, улыбнись-ка этому генералу еще раз?

Черт возьми, ну до чего же он хорош, когда так улыбается!

Цзи Няо не сдержался и прыснул со смеху:

— Неужели генерал тоже может быть таким бесстыдником?

— ...

Цзю Линь потянул его за руку к выходу:

— Поторапливайся, а то Тань Ху еще заявится в резиденцию, чтобы лично забрать тебя!

Десять тысяч воинов под его началом и расставленные по пути тайные посты — это не шутки, в Столице сейчас нет сил, способных противостоять ему. Цзю Линь очень боялся, что эти грубияны, не подумав головой, в порыве гнева возьмут Резиденцию Цзи в осаду. Тогда он даже поплакать не сможет.

Они вышли к главным воротам, где уже ждала карета Цзи Няо. Увидев ее, Цзю Линь еще больше пал духом. Что за семья такая? Карета из сандалового дерева! Кузов украшен искусной резьбой, глаза птиц и зверей инкрустированы драгоценными камнями, сверкающими на солнце. Крыша кареты, в отличие от обычной, была выполнена в форме изящных карнизов с драконами-чилун по углам. Но больше всего сердце Цзю Линя замирало при виде четверки лошадей — с первого взгляда было ясно, что это великолепные скакуны, способные пробежать тысячу ли!

Если бы такие достались ему — это же идеальные кони для тяжелой кавалерии! И это чудо, этот тип использует их, чтобы таскать карету?!

Таскать карету! Какое преступление! Цзю Линь смотрел и не мог сдержать зависти.

Цзи Няо не видел в этом ничего особенного. Заметив, как заворуженно Цзю Линь смотрит на коней, он улыбнулся:

— Это верховые лошади, присланные в дар из Даваня. Ваше Величество не любит верховую езду и стрельбу из лука, поэтому подарил их мне. Их всего-то было сорок штук, если генералу нужно — забирай всех.

— Всего сорок? — не выдержал Цзю Линь. — Цзи Чанъянь, ты хоть слышишь, что несешь?!

Давань присылает в год лишь десяток таких лошадей, у него их сорок, а он еще смеет говорить «всего»! Он что, считает, что сорок — это мало? Цзю Линь от возмущения даже говорить перехотел.

Цзи Няо улыбнулся и сжал его руку в карете:

— Теперь они все принадлежат генералу.

Цзю Линь перевел дыхание и фыркнул:

— У тебя есть еще хорошие лошади? Я заберу всех!

— Все, что у меня есть, принадлежит генералу, — Цзи Няо прижал его ладонь к своей груди, глядя с нежностью. — Включая меня самого.

Цзю Линь, словно обжегшись, отдернул руку:

— Когда приедем в лагерь, не води себя так.

— Генерал может быть спокоен. В лагере я, конечно, буду послушным, — улыбнулся Цзи Няо.
— И не подойду к генералу ближе, чем на три шага.

— ...

Цзю Линь помолчал, чувствуя досаду:

— В этом нет нужды. Цзи Чанъянь, раз я решил тебе верить, я не боюсь стоять рядом с тобой.

Цзи Няо снова взял его за руку:

— Я знаю, что у тебя на сердце, и для меня это высшее счастье. Генерал не боится, что я его скомпрометирую, но я боюсь, что из-за меня генерал пострадает.

— Цзи Чанъянь, ну и упрямец же ты! — Цзю Линь лишь безнадежно махнул рукой. — Ладно, делай что хочешь, я буду просто собой.

Он фыркнул и откинулся на обитую шелком спинку, прикрыв глаза. Цзи Няо взял подушку и подложил ему под поясницу, не переставая улыбаться. Его генерал — по-настоящему прекрасен. Цзи Няо подвинулся чуть ниже и прислонился к плечу Цзю Линя, тоже закрыв глаза. Это было его искупление, единственный огонек, оставшийся в его жизни.

До лагеря в пригороде было далековато, но, к счастью, лошади были хороши, так что добрались они быстро. Спустя время карета остановилась у ворот лагеря.

Цзи Няо вышел первым и, стоя в стороне, протянул руку, чтобы помочь Цзю Линю спуститься. Тот бросил на него недовольный взгляд, все же оперся на его руку, сошел на землю, велел кучеру отогнать карету и широким шагом направился в лагерь. Цзи Няо следовал за ним, соблюдая ровно три шага дистанции.

Как только они вошли, раздались радостные крики:

— Генерал вернулся! Генерал вернулся!

Цзю Линь велел всем замолчать и, обернувшись, представил:

— Это первый министр Цзи.

Цзи Няо улыбнулся им. В то же мгновение на его шею легли лезвия десятка мечей:

— Это коварный злодей Цзи Няо! Не дайте ему уйти!

<http://bllate.org/book/22361/2344380>